СЕРИЯ «МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА»

КНИГА ВОСЬМАЯ

УДАРНЫЕ
СВОЙ РИТМ

Как играть вместе и не терять себя



ЮЛИЯ СТЭФАНИ ХЕРРЕРА

Юлия Стэфани Херрера

Ударные. Свой ритм. Как играть вместе и не терять себя

«Автор»
2026

Херрера Ю.

Ударные. Свой ритм. Как играть вместе и не терять себя / Ю. Херрера — «Автор», 2026

Настя играет на ударных. Но дома её просят быть тише, соседи жалуются на стук, а в музыкальной школе кажется, что все замечают гитаристов и вокалистов — только не девочку за барабанами.Ей почти четырнадцать. Она может часами разбирать короткий ритмический рисунок, но не всегда умеет объяснить, почему для неё это важно. Мама спрашивает, какое будущее у такого увлечения. Одноклассники не воспринимают ударные всерьёз. А в ансамбле приходится учиться не только попадать в темп, но и слушать других, договариваться и признавать ошибки.Вместе с Настей читатель познакомится с работой на тренировочном пэде и барабанной установке, упражнениями с метрономом, трудностями совместной игры и правилами безопасных занятий.Восьмая книга серии «Музыкальная школа» — о музыке, которую не всегда замечают, о праве быть услышанной и о том, как найти своё место среди других, не потеряв себя.Ведь если ты сидишь позади всех, это ещё не значит, что твоя роль менее важна.

© Херрера Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Стук 6
Глава 1. Пэд 6
Попробовать на занятии 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Юлия Стэфани Херрера Ударные. Свой ритм. Как играть вместе и не терять себя

Херрера Юлия Стэфани
Серия «Музыкальная школа». Книга восьмая
Ударные. Свой ритм.
Как играть вместе и не терять себя
* * *

У Насти есть две пары палочек и серый резиновый круг. Соседи слышат его сквозь перекрытие. Брат узнаёт её упражнения и пытается повторить ложкой. Мама спрашивает, нельзя ли тише. Настя тоже слышит, только иначе: расстояние между двумя ударами, неловкое движение правой руки, маленькую паузу, которую она всё время сокращает. Рассказать про это труднее, чем сыграть.

За установкой она сидит сзади. Впереди гитара, микрофон, люди, которые умеют петь. Когда всё получается, песня кажется общей. Когда рассыпается, очень хочется найти того, кто сбился первым. Настя ещё будет учиться различать эту понятную обиду и настоящую работу с музыкой. Одно не исчезнет сразу от знания другого.

Меня привлекают минуты, которые редко попадают в запись концерта. Кто-то придерживает стойку, пока другой поправляет высоту. Участники спорят о начале, затем наконец выбирают один вариант. Девочка говорит, что руке неудобно, и ждёт, позволят ли ей остановиться. После выступления близкий человек произносит два обычных слова, и она весь вечер думает, хватило ли ей их. Из таких минут состоит не меньшая часть обучения, чем из подготовленных номеров.

Здесь нет обещания сделать из любого волнения особый дар. Новое движение может требовать терпения; боль требует внимания и помощи. Громкий звук нельзя обезвредить хорошим характером, а сохранность слуха не определяется любовью к инструменту. Взрослым предстоит менять условия, признавать собственную непоследовательность и слышать вопросы, на которые неудобно отвечать. Ученица не обязана одна отвечать за безопасность и настроение всего ансамбля.

Я хотела оставить Насте и обычную жизнь: контрольную, тесную кухню, младшего брата, которому всё хочется попробовать, соседку, о которой она почти ничего не знает. Музыка будет происходить среди этого, в реально доступное время. Иногда подходящим решением станет новая фраза, иногда — разговор о том, когда закончить занятие.

Возможно, вы узнаете знакомое чувство: вы делаете часть общего дела, но не можете объяснить, в чём она состоит. Или вам легко выполнить задание и трудно ответить, чего хочется самому. Насте пока тоже трудно. Можно побыть рядом с ней без требования немедленно стать смелее, заметнее и талантливее. Послушать короткий рисунок, дождаться его окончания и спросить, что ей хочется сыграть дальше.

Часть первая. Стук

Глава 1. Пэд

Двадцать минут девятого вечера, и Настя ставит пэд на устойчивую подставку перед кроватью и начинает.

Пэд — резиновый тренировочный круг на жёстком основании. Он лежит у неё с прошлого сентября, и в середине резина стала гладкой. Пятно чуть ближе к краю, чем Настя ожидала. Она показывает его педагогу: хочется понять, куда на самом деле приходит рука, а не назначить себе ошибку по одной потёртости.

Она играет четверти. Раз-два-три-четыре, шестьдесят в минуту, по одной в секунду. Считает про себя, потом вслух, шёпотом, чтобы не слышала мать.

Через полтора месяца ей будет четырнадцать, она учится в восьмом классе и второй год ходит в кабинет без окон на первом этаже, где пахнет резиной, пылью и котельной. Дома у неё есть пэд, две пары палочек и стена, в которую нельзя бить.

В девять часов тётя Роза из квартиры снизу стучит по батарее.

Настя останавливается и смотрит на часы: девять. Прошло сорок минут, хотя дома они договаривались о двадцати. Она так увлеклась новым рисунком, что забыла проверить время. Стучали по батарее давно или только сейчас, она не знает.

Тётя Роза приходит не всегда. Иногда она просто стучит и не приходит, и это хуже, потому что тогда непонятно, кончилось или нет.

В конце сентября она всё-таки приходит — в тапках, в халате, с линейкой в руке.

— Настенька, — говорит она от двери, — я не скандалить. Я считать. — Она поднимает линейку. — Я вчера стояла и считала: двести сорок раз в минуту. Это что за работа такая?

— Это не работа. Это упражнение.

— Двести сорок раз. — Тётя Роза говорит это не зло, а с каким-то уважением, будто докладывает результат измерения. — У меня сердце. Ты не в потолок стучишь, ты мне в голову стучишь.

Настя не знает, что сказать. Она стоит в дверях, держит палочку, и ей хочется объяснить про темп, про шестьдесят, про то, что двести сорок — это шестнадцатые и что она вообще-то играла медленно. Но объяснять это человеку с линейкой бессмысленно, и она говорит:

— Я больше не буду после девяти.

— Не будешь, — соглашается тётя Роза. — И до девяти потише. — Она поворачивается, делает два шага и оборачивается. — А ты по-настоящему-то играешь? Ну там, на концерте, при людях?

— Играю.

— Ну вот. — Тётя Роза кивает, будто это всё объясняет, и уходит к себе. — Позовёшь — приду.

Мать потом говорит: «Видишь, она нормальная», — и Настя не понимает, что на это отвечать, потому что нормальная тётя Роза всё равно измерила её линейкой.

Мать выходит из кухни с полотенцем на плече и говорит:

— Всё, уже девять.

— Я тихо.

— Ты не тихо, ты глухо. Я слышу через две комнаты, а она через потолок.

— Я на пэде.

— Настя. — Мать не повышает голос, у неё другая манера: она говорит медленнее, чем надо, и от этого каждая фраза становится окончательной. — Двадцать минут в день у тебя есть. Дальше соседи.

Двадцать минут в день. Настя считала: двадцать минут — это тысяча двести ударов, если по одной в секунду, или две тысячи четыреста, если по две. За год это семьсот тридцать тысяч. Числа успокаивают, пока не начнёшь их произносить.

Из комнаты выходит Митя, шесть лет, в трусах и с ложкой.

— Дай, — говорит он.

Она даёт ему палочку. Митя садится на пол, ставит перед собой перевёрнутую кастрюлю и бьёт по ней ложкой: раз, два, три, четыре, и на «четыре» опаздывает, но на следующем круге попадает, и попадает ровно, и Настя слышит, что он попадает лучше, чем она в его возрасте попадала бы.

— Вот, — говорит Митя. — Слышишь? Я в такт.

— Слышу.

— А мама говорит, что я стучу.

— Ты не стучишь. Ты играешь.

Митя кивает и уходит в комнату, унося ложку. Кастрюля остаётся на полу, и мать, проходя, ставит её на место, не говоря ни слова.

Пэд врёт. Это первое, что Роман Игоревич сказал ей на втором году, и Настя тогда не поняла, а к октябрю поняла.

У разных пэдов отскок различается, как различается он у настроенных барабанов. Резина удобна для спокойной работы над движением, но не воспроизводит всех ощущений пластика, тарелки и педали. Малый тоже возвращает палочку вверх; нужно научиться использовать его отклик, а не вытаскивать каждый удар дополнительным усилием.

И главное: пэд не звучит. Он стучит. Ты слышишь сухой щелчок и по нему понимаешь, попал или не попал, но ты не слышишь, как это звучит в комнате, и не слышишь, как это звучит вместе с другими.

Кабинет ударных — бывшая кладовая. Окон нет, вентиляционная решётка под потолком, за стеной котельная, и зимой стена тёплая, как печка. Установка стоит в углу на куске линолеума, и на ободе бас-барабана наклеен скотч в три слоя — след от чьего-то ремонта.

Роман Игоревич приносит беруши в жёлтой коробочке. Иногда достаёт, надевает перед громкой частью, иногда опять откладывает. Настя замечает эту непоследовательность, но пока считает, что взрослый сам знает, когда нужно.

— Садись, — говорит он. — Метроном.

Метроном у него механический, с маятником и гирькой, и тикает он громче, чем нужно: щёлк — и в этом щелчке слышно, как внутри что-то трётся. Роман Игоревич ставит гирьку на шестьдесят и заводит пружину.

— Четверти. Два такта счёт, потом играешь.

Четверти идут. Раз-два-три-четыре. Пэд на подставке перед ней, палочки лёгкие, руки свободные. Всё идёт хорошо примерно двенадцать секунд.

На тринадцатой секунде она слышит, что идёт впереди.

Она постепенно оказывается чуть впереди щелчка. Без сравнения это было бы трудно заметить. Теперь рядом есть ориентир, и можно остановиться, выбрать короткий участок и проверить его ещё раз.

— Стоп. — Роман Игоревич кладёт ладонь на пэд. — Ты слышишь, что ты ушла?

— Слышу.

— Куда?

— Вперёд.

— Правильно. — Он откидывается на стуле. — Теперь скажи мне, почему.

Она не знает. Она думает про руки, про палочки, про то, что пэд скользит. Она говорит:

— Я тороплюсь.

— Возможно, стараешься заранее поймать следующий щелчок. А может, пока неудобно двигаться в таком темпе. Не будем угадывать по характеру. Сначала сыграем четыре доли и послушаем, где появился зазор.

Он ставит метроном и говорит:

— Ещё раз. Попробуй добавить счёт вслух. Если он мешает, сначала проговорим отдельно, потом соединим с руками.

Счёт вслух она добавляет к рукам: раз, два, три, четыре, раз, два, три, четыре. Голос мешает рукам, руки мешают голосу, и первые такты рассыпаются совсем.

— Хорошо, — говорит Роман Игоревич. — Хуже стало?

— Хуже.

— Значит, задач пока слишком много. Уберём часть и соединим постепенно.

Потом он говорит: «Теперь на установку», — и это оказывается другая профессия.

Малый отвечает иначе, чем домашний пэд: палочка отскакивает от натянутого пластика, а вместе с движением приходит объёмный звук. Перед первым ударом они надевают защиту слуха и проверяют посадку. Настя пробует умеренную динамику, чтобы освоиться с откликом. Даже так ей слышно, как резко меняется окраска возле края.

— Остановимся, если слишком громко или неудобно, — говорит Роман Игоревич.

— Он громкий.

— Поэтому сначала договоримся об условиях. Пэд помогает движению. Здесь добавятся тембр, педали и баланс. Не нужно осваивать всё за один подход.

На втором подходе она замечает, как меняется окраска возле края пластика. Не каждый удар выходит там, где она ожидала. Они уменьшают темп и проверяют движение, не требуя от руки сразу точности на всей фразе.

— Вот, — говорит он. — Ты только что услышала то, чего не слышала год. Это дороже, чем ровные четверти.

В коридоре за дверью кто-то начинает играть на установке. Не на этой — на второй, парадной, которую выкатывают в зал; её держат в другом конце коридора, у радиорубки. Играет Витя Заславский, пятнадцать лет, третий год, и играет он быстро: шестнадцатые, ровно, чисто, с ускорением в конце фразы, потому что ускорение звучит как азарт.

Настя слушает через дверь и понимает, что так она не сможет никогда. Не потому что руки не те, а потому что она не понимает, зачем. Быстро — это же не про музыку. Быстро — это про «смотри, как я могу».

— У Вити сейчас другая задача, — говорит Роман Игоревич. — Скорость сама по себе не мешает музыке. Тебе сегодня важно услышать этот короткий рисунок и сохранить его.

— А кто выигрывает?

— В «кто быстрее» выигрывает тот, кто быстрее. — Он пожимает плечами. — В «кто вместе» не выигрывает никто. Там просто всем хорошо.

В школьном коридоре её зовут «та, которая стучит». Не в лицо, конечно; в лицо её зовут Настей, и большинство вообще не знает, что она ходит в этот кабинет. Но один раз на перемене Кирилл Пантелеев, гитарист из ансамбля, сказал при ней:

— Ударные — это не инструмент, это расписание.

Он сказал это не зло. Он сказал это как человек, который сообщает факт: вода мокрая, гитара поёт, ударные — расписание. И от того, что не зло, стало хуже. На зло можно обидеться. На факт — нельзя.

Она тогда ничего не ответила. Она стояла с рюкзаком на одном плече и думала: а ведь он прав. Я не играю ноты. Я играю «когда».

Дома она возвращает пэд на подставку и пробует подложку, которую разрешил использовать педагог. Звук в комнате стал мягче, но она ещё не знает, стало ли тише этажом ниже.

Мать останавливается в дверях.

— Ты чего так низко поставила? — спрашивает мать, глядя на подставку.

— Тихо.

— Совсем тихо нельзя. — Мать прислоняется к косяку. — Настя, я тебя спрошу один раз, и ты не обижайся. А куда ты с этим пойдёшь?

Настя не отвечает. Она играет четверти, шестьдесят в минуту, и считает: раз, два, три, четыре.

— Я не про то, что бросить, — говорит мать. — Я про то, что через три года школа кончится. И что? Оркестр? Ансамбль? Ты же не поёшь, не играешь мелодию, ты сидишь сзади.

— Я держу.

— Что ты держишь?

— Время.

Мать смотрит на неё долго, потом говорит:

— Время держат часы. — И уходит на кухню.

Настя играет ещё десять минут. Потом кладёт палочки на пэд крест-накрест, как кладут, когда закончили, и садится считать: сколько ударов она сделала сегодня, сколько сделает за год, сколько за три.

Получается много. Получается, что за три года она ударит по пластику около двух миллионов раз, и от этого числа почему-то не легче, а страшнее, потому что два миллиона ударов — это не мастерство, это упорство, а упорство в её семье не считается достижением: мать за него не хвалит, отец за него не ругает, и оно просто есть, как привычка грызть ручку.

Потом она ложится и слушает дом. Сверху — тишина, у них последний этаж. Снизу — телевизор у тёти Розы, ровный гул, сквозь который иногда пробивается музыка из какой-то передачи. За стеной, у соседей, кто-то ходит: четыре шага, пауза, четыре шага. Шаги у человека неровные, он ходит не в темп, и Настя ловит себя на том, что подстраивает под них дыхание.

Пэд не заменяет все поверхности установки. Освоенное на нём движение сначала проверяют на малом в удобной динамике, затем возвращают в музыку. Разница отклика — повод наблюдать и подстроиться, а не прибавить силу по привычке.

Счёт можно произносить вслух или удерживать про себя в зависимости от задачи. Если голос мешает новой координации, попробуйте элементы отдельно. Ни один вариант не обязан ухудшать результат ровно на две недели.

При работе с метрономом сначала услышите несколько долей и приготовьте движение. Не пытайтесь исправлять каждый промах резким скачком к следующему щелчку. Короткая остановка и понятный повтор часто удобнее непрерывного преследования.

Быстрый и медленный темп показывают разные стороны навыка. Для нового рисунка выбирают скорость, в которой можно сохранять удобство и слушать. Медленный темп не является нравственным преимуществом, а скорость не лишает исполнение смысла.

Запись дополняет живой слух. Она помогает заметить события, которые трудно оценить во время игры, но меняет тембр и баланс. Перед прослушиванием полезно выбрать один вопрос, чтобы не превратить минутный фрагмент в список всех своих недостатков.

Слова окружающих иногда задевают. Можно объяснить, что именно вы делаете, и попросить говорить иначе. При этом человек, которому мешает звук, не обязан сначала признать его музыкой, чтобы его просьба о тишине заслуживала внимания.

Дома важно договориться о времени и поверхности для занятий. Условия лучше назвать заранее, а затем проверить, работают ли они для всех. Если правило оказалось неудобным, его можно пересмотреть вместе.

Интерес к ударным не требует уже сейчас выбора профессии. Можно спросить, что нравится в занятии и чего не хватает. Ответ иногда начинается с очень простой вещи: возможности спокойно поиграть двадцать минут.

Если покупка установки недоступна, полезно обсудить школьные занятия и имеющееся оборудование с педагогом. Дорогой инструмент не заменяет подходящего времени, помощи и посильного плана.

Пэд и барабан помогают решать разные задачи. На пэде удобно заметить траекторию, сравнить руки, отделить короткий рисунок от всей установки. При этом привычное движение ещё предстоит проверить на других поверхностях. Отскок зависит от материала, состояния и настройки. Поэтому сравнение начинается со спокойного короткого удара, а не с попытки получить прежний результат любой ценой.

Счёт вслух полезен как дополнительный ориентир, но не является обязательным голосовым опережением руки. Если соединение сразу перегружает внимание, можно сначала проговорить рисунок, затем сыграть его отдельно и только потом совместить. Временное ухудшение бывает следствием новой задачи, неудобства или усталости. По нему нельзя ни ставить диагноз неспособности, ни объявлять, что ученик непременно начал слышать лучше.

Вместо количества ударов удобнее выбрать вопрос на занятие. Например: одинаково ли звучат четыре начала? Сохраняется ли удобная посадка? Возвращается ли палочка без лишнего поднимания плеча? После короткого подхода есть что обсудить. Тысяча повторений без понятного вопроса может только утомить, а четыре внимательных удара иногда показывают место для следующей работы.

Домашний звук существует и для других людей. Пэд тише установки, однако удар может передаваться через основание и конструкции. Это проверяют в конкретном помещении. Подкладка и другое размещение способны помочь, но не гарантируют тишины за стеной. Договорённость о времени и возможность заниматься в школе становятся частью реального плана, а не признаком недостаточной преданности музыке.

Настя слышит слово «стучишь» как уменьшение своего труда. В то же время соседка вправе назвать мешающий ей звук именно так. Их разговору помогут конкретные условия: когда, сколько, что слышно, когда нужен покой. Уважение к музыке не требует терпеть любой шум; уважение к соседям не обязывает ученицу отказаться от интереса без поиска вариантов.

Музыкальный смысл ударных связан не только с равными промежутками. Начало и окончание, плотность, динамика, тембр и пауза меняют характер фразы. Даже один тихий рисунок можно сыграть несколькими способами. Насте ещё предстоит услышать эти различия вместе с другими. Первое знакомство с ними не должно превращаться в обещание быстро стать незаменимой для ансамбля.

Попробовать на занятии

Выберите устойчивую разрешённую поверхность и удобную высоту пэда. Сначала сделайте несколько лёгких движений с педагогом.

Подготовьте два такта счёта и сыграйте четыре четверти в удобном темпе. Потом остановитесь и сравните начала.

Попробуйте тот же рисунок с голосовым счётом и без. Если задач слишком много, разделите их.

Сравните две умеренные динамики без сильного зажима. Не нужно проверять предельную громкость дома.

Запишите короткий отрывок и прослушайте на комфортном уровне. Выберите один вопрос о ритме.

Спросите, что именно нравится вам в этом рисунке. Ответ не обязан касаться скорости.

Составьте реальный план домашнего времени с перерывами. Согласуйте его с домашними.

Уточните у педагога, какие задачи доступны на пэде, а какие требуют другого инструмента.

Если младший хочет попробовать, предложите короткую безопасную игру под наблюдением взрослого.

По окончании уберите палочки так, чтобы они не падали и не мешали проходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.